

Annotation

Недаром говорят: не суй свой нос, куда не следует! Да только как же сдержаться, если сама судьба преподносит тебе такие сюрпризы, от которых порядочная полукровка просто не в силах отказаться? Придется прислушаться к зову своего сердца и дерзнуть! Сможет ли Агата исполнить данную под действием колдовства клятву? Удастся ли ей, несмотря на все злоключения, остаться собой? И, наконец, сбудутся ли ее собственные мечты о большой и чистой любви?

* * *

Скользящая во снах

Бедная сиротка,

не рыдай, не бойся.

Мы тебя научим,

мы тебя не бросим!

Мы народец ушлый,

а закон, что дышло.

Ах, как мало нужно,

Чтобы что-то вышло!

Нет отца да матери -

иди воровать, а

страшно воровать, так

полезай на паперть.

Мы народец ушлый,

а закон, что дышло.

Ах, как мало нужно,
Чтобы что-то вышло!
Под господним небом
Все равны, как братья,
а у брата взять-то -
разве ж это грабить?..

Тол Мириам

-

Песни черни

ГЛАВА 1

в которой Агата покидает родные места

Агата

...Я снова падаю. На этот раз подняться сил не хватает, приходится ползти. Царапая голые руки о мёрзлую землю, до боли прикусываю потрескавшиеся губы и подтягиваю своё уставшее тело вперед. Сил не осталось даже на слёзы, и только одна мысль бьется в голове: "Не останавливайся!". Всем своим существом я стремлюсь дальше, но усталость одолевает меня...

– Агата! – крик матери заставляет меня очнуться. – Не сдавайся!

Чувствую, как внутри зарождаются новые силы. Мама! Как бы мне хотелось увидеть ее... Тело трясет мелкая дрожь, но я, упираясь руками в каменистую землю, рывком поднимаюсь и делаю глубокий вдох. Холодный воздух обжигает мои лёгкие, кашель с жуткими каркающими звуками прорывается наружу. Надежда подпитывает меня, не дает окончательно пасть духом, и я снова делаю рывок. Бегу почти вслепую на ее голос, глаза застилает пелена. Во рту абсолютно сухо, дыхание сбивается. Чувствую, что она уже близко, и глупейшая улыбка невольно появляется на моем лице. Еще совсем немного... Но вот новый шаг, и проклятые ноги снова подводят! Мир вокруг медленно наклоняется вбок, эхо разносит по лесу мой хриплый выкрик: "Мама...".

Последнее, что вижу – желтые глаза, наблюдающие за мной из темноты. Мгновение боли, затем блаженная пустота поглощает меня полностью...

Резко дернувшись на кровати, я, наконец, проснулась и тут же накрылась одеялом с головой. Солнце уже встало и заглядывало прямо в мое окно, раздражая неимоверно.

– Проснулась, Гатка?

Я сделала вид, что не слышу бабулю и, продолжая изображать спящую, старательно зажмурила глаза.

– Вставай, лентяйка! Сегодня луна идет на спад, Хаим приедет, а у тебя дела не переделаны, – бабуля сдернула с меня одеяло и потрепала за плечо. – Давай-ка, милка, поднимайся!

– Еще немного... – я попыталась накрыть голову подушкой, но и ее немилосердно отобрала.

– У тебя две минуты, Гатка! Делов много. Хлеб на столе, молоко в бадейке: для тебя и Кролика. Я в лес пошла, скоро вернусь.

Вытянувшись на кровати во весь рост, я потянулась и сладко зевнула. Хлопнула дверь – бабуля ушла, и я решила еще немного полежать. Но не тут-то было: Кролик с разбегу прыгнула мне на грудь и стала перебирать на моем животе своими лапками. Скинув наглуую кошку на пол и обреченно вздохнув, встала.

До отвала наевшись хлеба с земляничным вареньем и запив всё это дело хорошим количеством парного молока, я отправилась во двор. Кролик, опередив меня, уже была там, сидела на скамейке и намывала свою наглуую полосатую морду. Следующий час я занималась делами: кормила кур, чистила у козы, таскала воду в бочки на огороде, чуток задержалась у грядок с клубникой... Потом смыла с себя грязь и, забравшись на забор, уставилась вдаль в ожидании Хаима. Просидев так несколько минут, которые показались мне вечностью, я заскучала.

От нечего делать стала припоминать последний свой сон. Снилось мама. Удивительно то, что во сне я точно знала, как она выглядит, узнавала ее голос, полный грусти и тревоги, но стоило проснуться и всё – не могу вспомнить даже цвет ее волос. Так же было и с отцом. Иногда мне снилось, что он стоял спиной ко мне, я бежала к нему, звала его, но, как ни старалась, не могла приблизиться даже на шаг. А он, в конце концов, так и не оглянувшись назад, уходил. Когда была помладше, я часто рыдала во сне и, проснувшись, всё время спрашивала у бабули, почему они оставили меня? Что я сделала не так? Было очень обидно и жалко себя. Но время прошло, и я давно не пристаю с глупостями к Хеске, не виню родителей ни в чем, и уже несколько лет как перестала сбегать из дома, чтобы найти их... И письма им больше не пишу. Только никак не могу перестать видеть их во сне, но когда-нибудь я научусь и этому.

Чуть больше десяти лет назад мама пришла к бабуле Хеске беременная мною, всё время говорила, что скоро за ней приедет жених, Тиирон, по совместительству мой отец, и заберет ее с собой. Но время шло, а он не приезжал. Живот у мамы рос, а вместе с ним росло ее безразличие ко всему вокруг. На последнем месяце беременности впервые приехал мамин друг – сатир по имени Хаим – он привез маме письмо от отца. Мария прочла его и долго плакала. А потом начались роды, и душной летней ночью появилась на свет я. Утром мама позвала Хаима и взяла с него клятву, что он не оставит меня, чтобы не произошло в дальнейшем. Тот долго отнекивался, но она умела уговаривать.

А через восемь месяцев мама ушла, оставив меня в домике бабули.

В день, когда мне исполнилось два года, снова появился Хаим, сказал, что его

кошмары замучили. Главным действующим лицом в его страшных снах была маленькая я: стояла возле домика Хески и горько плакала, а рядом никого не было, кто бы меня утешил. Бабуля только руками развела и предложила навещать меня, когда у мужчины будет возможность. Так и повелось, что раз в месяц Хаим стал приходить к нам и привозить мне игрушки, книги, вещи. Он же, когда настала пора, нанял для меня учителя: Магалыч должен был обучить меня чтению, правописанию, математике, истории и географии, а также нескольким языкам. Сутулый старичок с неизменной своей спутницей – доброй улыбкой на морщинистом лице – сразу вызвал у меня безграничное доверие и живой интерес. Приходил Магалыч три раза в неделю порталом и с усердием пытался впихнуть в мою головушку всего и побольше. Но голова у меня маленькая, и занимать ее всякой ерундой я не позволила. Поэтому всё чаще вместо лекций о нашей стране я слушала невероятные истории из жизни старика; а вместо заучивания точного расположения рек и озер в Эндорре, мы изучали лес, окружающий дом Хески, и растения в нем. Лет пять назад, во время очередной прогулки, учитель решил немного поколдовать, чтобы показать мне настоящего кролика. Но, видно, со словами старик где-то напутал, так у меня появился дикий лесной котенок. Я уговорила бабулю оставить его у нас и назвала Кроликом. Позже оказалось, что это не кот, а кошка, но кличку менять не стали, привыкли уже все.

Так и получилось: к десяти годам всем моим миром был маленький бабулин домик, окружающий его лес и непроходимые болота... Кроме того, у нас было хозяйство – курятник, коза (которую так и звали Коза) и кошка Кролик. Немногочисленными существами, близкими мне, стали: "болотная ведьма" (так бабулю за глаза называли те редкие гости, кто порталами приходил к ней за травками-отварами), "чертов бражник" (так Хеска называла сатира, видимо, это как-то было связано с его вечно затуманенным взглядом и веселым настроением) и Магалыч – бывший архимаг, добровольно-принудительно выбывший из Верховного Совета магических существ в связи с наступлением пенсионного возраста и участвовавшим в провалах в памяти.

Тоскливо оглядев дворик, я спрыгнула с забора и, сморщившись, потеряла отсиженное место. Хаима по-прежнему не было, бабули тоже, Магалыч должен был прийти только послезавтра. Скукота. Снова осмотревшись, остановила взгляд на Кролике:

– Кис, кис, кис, а ну-ка иди к мамочке... – запричитала я и стала подкрадываться к кошке. Кролик приоткрыла глаза и с интересом уставилась на меня. За шаг до кошки я резко пригнулась и схватила ее, но это нехорошее животное успело извернуться и, цапнув меня за палец, кинулось куда-то за дом. Я, взыв от боли, с боевым кличем бросилась за кошкой. И вдруг в глазах всё поплыло, резко остановившись, я начала усиленно моргать и щуриться. В следующее мгновение свело руки, и ужасная боль пронзила грудь. Я резко выдохнула и упала на землю. Не было сил даже шевельнуться, теперь свело и ноги.

– Гатка! – судя по звукам, ко мне бежала Бабуля. – Что, милка, что такое?

– Больно... Так больно... – Я закашлялась. Было такое ощущение, будто мне нечем дышать, и кто-то проворачивает во мне одновременно тысячу маленьких острейших ножей. Слёзы градом полились из моих глаз, тело стало трясти. Потом почувствовала на себе руки бабули, и наступила блаженная темнота.

Сновидений не было, но приходила я в себя очень тяжело. Открыв глаза, сразу попыталась приподнять руку, чтобы от души потереть зудевшие веки: было ощущение, что в них песка насыпали. Но, оказалось, сил во мне совсем не осталось, рука безвольно упала назад, так и не достигнув цели. Никогда не чувствовала себя

такой слабой.

– Гатька, ну как ты? – надо мной возникло обеспокоенное лицо Хески. – Всё еще больно? Может, снова усыпить тебя?

– Не... – прохрипела я и мотнула головой.

– Сейчас водички принесу.

Выпив целую кружку воды, я почувствовала себя немного лучше:

– Ба, в глазах песок, – снова прохрипела я, – чешется сильно и щипит.

– Сейчас, милка, погоди.

Снова я осталась одна в комнате, Хеска сбежала в горницу и стала перебирать свои заготовки, громко обсуждая с собой, что же именно мне подойдет. Затем послышался звон посуды – это значит, бабуля определилась и запаривает мне нужную, по ее мнению, травку. Несколько лет назад я просила ее научить меня тому, что она умеет, но Хеска сказала: пока я не определюсь с даром, духи земли и воды не услышат меня. И всё. Снова никаких объяснений, вроде как, и так всё понятно.

– Пей, Гатька, а это вот на глаза сейчас положу, всё и пройдет. Ох, что ж это будет, где этого нерадивого бражника-то носит? Дурья его башка! Остолоп никчемный...

Так, причитая, Хеска снова удалилась в горницу и там загремела посудой.

Я лежала, прислушиваясь к своим ощущениям. Слабость по-прежнему была ужасной, но боль стала медленно отступать: жжение из глаз ушло, и горло больше не горело огнем. Внезапно что-то привлекло мое внимание. Какие-то звуки совсем рядом, я прислушалась – будто ветер шумит. Нет, не шумит... шепчет:

– Аагааатааа... найдиии егоо... сееещаааас... пораа...

Резко распахнув глаза, я скинула с себя примочки и закрутила головой:

– Баааа!!! Хескааа!

Дверь распахнулась, бабуля вбежала в комнату с какой-то палкой в руках:

– Что? Кто??? – Хеска подбежала ко мне, посекудно озираясь и выставив перед собой печную кочергу.

– Кто-то шептал мне, ба. Кто-то прямо здесь мне шептал!!! – я прижалась к Хеске всем телом и зарыдала.

– Ну-ну, милка, ты же видишь, никого здесь нет, может, Кролик вон мурлыкала, а ты и напугалась.

Я с усилием замотала головой:

– Нет-нет, это как в моих снах! Это как... как... Как мама, ба, голос шептал мне: нужно его найти, мне пора. Это мама? Она что, умерла?? Она что, меня за собой

зовет??

Хеска молча гладила меня по голове и крепко прижимала к себе. Через какое-то время она сказала:

– Нет, милка, тебе предстоит долгая и интересная жизнь, я точно знаю. Но зачем-то Видящие приходили с ветром, а это неспроста.

С этими словами бабуля усадила меня на кровать и, обеспокоенно посмотрев в мои глаза, зашептала что-то очень тихо и быстро. Я, не мигая, смотрела на нее и уже хотела спросить, что происходит, когда почувствовала: засыпаю. Очень странные ощущения пришли ко мне: в голове был туман, я вроде как всё еще смотрела на бабулю, но в тоже время сквозь нее видела что-то другое. Присмотревшись, поняла – вокруг меня лес. Он был очень похож на наш, только я точно знала, у нас нет засохших деревьев, и земля в нашем лесу сплошь покрыта травой и цветами, а не оголена. И запах... Я чувствовала, там воняло чем-то неприятным. Хотелось отвернуться, закрыть нос рукой, но тут внимание привлек маленький холм неподалеку, и меня накрыла тошнота. Это была отнюдь не насыпь, а лошадь Хаима, его верная Рылька! Она вся в запекшейся крови лежала, неестественно согнувшись, а глаза ее напоминали два круглых застывших стёклышка... Я отпрянула назад и закричала. Видение тут же прекратилось.

– Ну, вот и всё, Гатька, не кричи, не до тебя сейчас! – Хеска отпрянула от меня и побежала к полкам с лекарствами собственного приготовления, схватила несколько пузырьков, распихала их по многочисленным карманам и устремилась к выходу. Я за ней.

– А ты назад! Когда смогу – вернусь! И чтоб носу на улицу не казалась! – бабуля с силой оттолкнула меня и захлопнула дверь перед моим носом. Я замерла, затем огляделась по сторонам и снова зарыдала. Может быть, Хеска решила уйти? Что означали ее странные слова? И где сейчас Хаим? Вспомнив видение и Рыльку в крови, и этот запах, я почувствовала, как страх накатил на меня с новой силой. Где прячется ребенок, когда испытывает ужас? Я залезла под свою кровать и, подтянув к груди коленки, прижалась к холодной стене. Не помню, сколько пролежала там, но ничего ужаснее тех часов в моей жизни еще никогда не было. В какой-то момент я решила, больше никто не придет, в нос снова проникал запах гниющей Рыльки, и я готова была впасть в отчаяние, как вдруг мне в коленку что-то уткнулось. Я дернулась и раскрыла сжатые от ужаса глаза – это Кролик стояла и смотрела на меня своими умными хитрыми глазами. Прижав к себе кошку, я очень тихо стала рассказывать ей о своих опасениях и через некоторое время почувствовала: страх отступает, уступая место усталости...

...Бегу и снова падаю. Подняться сил уже не хватает, и тогда я ползу вперед. Мне больно, чувствую, как что-то острое впивается в ладони и колени, но останавливаться нельзя! Меня гонит вперед дикий страх, затмевающий разум. Отчаяние наполняет душу, переливается через край, я начинаю рыдать. Непослушные ноги снова подводят свою растерянную хозяйку, я падаю и больно ударяюсь бровью о камень. Приподняв голову, понимаю, по глазам течет что-то горячее и липкое...

– Агата, – шепот матери доносится до меня откуда-то спереди, – прости...

Мне все равно, ее нет рядом и никогда не было. Больше не хочу слушать. Подтаскиваю руку к лицу и стираю кровь с глаз. Впереди, совсем рядом, спиной ко мне стоит мужчина, мой отец...

– Тиирон, – я удивляюсь, как слабо звучит мой голос. Мужчина не оборачивается. Собираю последние силы и кричу: – Папа! Ну пожалуйста!..

Плечи мужчины вздрагивают, секунда, и он оглядывается назад. Наконец-то, я вижу его лицо и... ничего. Чуда не происходит. Просто мужчина: высокий, красивый и совсем чужой. Смотрит на меня с затаенным любопытством. А я вдруг начинаю злиться. Злюсь на себя за свой страх перед неизвестностью. Злюсь на этого мужчину, который все еще смотрит на меня и ничего не делает. Злюсь на маму, которая бросила меня здесь такую беспомощную. И когда уже, кажется, готова закричать от разрывающей на кусочки ярости, в меня тыкается холодный мокрый нос Кролика. Поворачиваю голову и вижу свою наглуую кошку. В самое мое ухо тихий женский голос шепчет:

– Вставай, Гатка, они – твое прошлое, а будущее уже наступает тебе на пятки... – И кошка разворачивается, чтобы поспешить назад, в ту сторону, откуда я так долго бежала. Я смотрю в том направлении и вижу немигающие желтые глаза, пылливо разглядывающие меня из-под чёрного капюшона. Оставшаяся часть лица этого человека словно закрыта маской, но мне и не нужно его видеть, потому что время еще не пришло...

– Я больше не боюсь, мы обязательно встретимся, обещаю, – слова сами срываются с моих губ.

В желтых глазах мелькает удивление, человек нагибается и поднимает меня на руки. Чувствую, как боль и страх окончательно отступают, а душу наполняют долгожданные мир и покой. Глаза закрываются сами, усталость по-хозяйски обустроивается в замученном теле. Прижимаясь к сильной груди моего спасителя, уже на грани реальности и сна я прошептала ему: «Теперь я успею, что бы ни случилось, я больше не буду убегать, скоро...»

...Хлопнула дверь, в горнице раздались голоса. Я проснулась, сонно огляделась, вспоминая, где нахожусь, и тут же выползла из-под кровати, прижимая к себе Кролика. В комнату вошли бабуля и Хаим, сатир был изранен, но все равно улыбнулся, увидев меня:

– Пока я там погибаю, она собой полы протирает, – дядька поманил меня к себе. – Давай-ка, мелкая, принеси страдальцу чего покрепче.

Чувствуя, как по лицу медленно покатались слезы облегчения, я бросилась навстречу вошедшим. Хаим пошатнулся и крепко сжал зубы. Бабуля ахнула под напором его хватки. Сообразив, в чем дело, я подставила сатиру свое плечо с противоположной от Хески стороны и стала помогать им дойти до кровати.

– А теперь выйди, Гатка! – бабуля, едва мы уложили дядьку, вытолкала меня из комнаты. – Будь в горнице, поешь. Да принеси этому упырю зеленый бутыль из холодильника, сегодня ему даже полезно! Спать укладывайся на лавке, не до тебя сегодня. И скотину накорми, подою сама, позже!

Дверь снова захлопнулась прямо перед моим носом. На улице уже смеркалось, я схватила приготовленное заранее ведро с зерном и отправилась кормить и закрывать кур. Затем загнала в стойло Козу, принесла ей воды из ручья. Всё это время думала о Хаиме и его убитой лошади, а Кролик ходила за мной хвостиком и просилась ко мне на руки.

Справившись с делами и всё еще думая о сатире, я машинально подхватила кошку и стала ее поглаживать. На мгновение наши взгляды встретились, и что-то произошло. Снова я будто в сон погрузилась – передо мной размытым пятном виднелась Кролик, а сзади сидела Хеска и разговаривала с Хаимом:

– ...дело не пойдет. Куда я ее уведу? Ты в своем уме, старуха?

– В своем пока еще, только в таком режиме расходуя силу – это ненадолго, – бабуля пожалала плечами и тихо вздохнула, – сил не осталось совсем, в ней драконья кровь в свои права вступает, да и матери кровь – не водица, свой след наложила. Вредничать стала много, характер показывает. И сны еще эти... Пока с силой не определится, прятать ее нужно надежней.

– Куда надежней-то? – сатир выглядел бледным и был непривычно серьезен.

– А где искать не станут? Там, куда никто в здравом уме не сунется. Отправим ее на земли теней, в Огрив.

– Ты, похоже, уже из ума выжила, бабка! Там же мелкой не спастись, ее убьют или покалечат еще до того, как совершеннолетие справит. И даже если я ежесекундно рядом буду, гарантировать ничего нельзя! Там...

– Кхе, кхе – Хеска закашлялась, скрывая смех, – ты, как я погляжу, уже мысленно с ней в путешествие отправился, никому Гатьку не доверишь? Вот и она к тебе, как к родному, прикипела. Через нее я тебя и нашла, ее глазами видела. Хоть и не родные по крови, а воспринимает она тебя, как отца.

– Ты меня не пытайся разжалобить, ведьма! Я слишком хорошо знаю, кто ты такая, и кем дочь твоя была. Сегодня Агата во мне родного видит, а завтра я окажусь не нужен, и поминай, как звали. Такие как вы не умеют любить, не знают, что такое благодарность, долг, ответственность...

– Хватит! – Хеска больше не улыбалась. – Мария ушла, потому что в ней человеческого больше, чем в иных людях. Дрианы – это не приговор, Хаим. У нас есть свой кодекс чести. Да, он отличается от общепринятых норм морали, правил и других глупостей, навязанных вам вашими богами. Но он есть. И он нерушим! Если дриана полюбила, то это навсегда. Если возненавидела – тоже... И если осталась холодна, несмотря на все усилия, и предпочла твоего друга, ничего с этим не поделаться, мой дорогой. Значит, не она была твоей судьбой, а лучшее у тебя еще впереди.

– Она заставила меня поклясться моей к ней любовью, что я не брошу ее ребенка от другого мужчины в беде и не стану препятствовать, если однажды он захочет забрать дочь! Это ваши кодексы? Я должен заботиться и воспитывать девочку, которая как две капли воды похожа на мать, но смотрит на меня глазами своего отца! Я должен привязаться к ней, а потом отдать по первой просьбе тому, кому она никогда не была нужна!

– Именно так. В любом случае Видящий давно приглядывает за ней, и, если он почувствует угрозу ее жизни, то вышлет своих воинов. Драконы заберут ее, не спрашивая нашего разрешения. Особенно сейчас, когда в Мастивире ведется негласная война за власть, они не станут рисковать и оставлять свою кровь неизвестно где. Слышал ведь, в числе комиссии от Верховного Совета были три

дракона. Их изловили и сожгли еще живыми, даже Гатька отголоски почувствовала, чуть концы не отдала. Так что, либо ты забираешь ее и увозишь в Огрив, либо родственнички придут за ней и заберут на Назир, и только Боги знают, где опаснее. Но и здесь я ее не оставлю, слишком старая я уже для всего этого.

Сатир молчал, явно задумавшись над словами болотной ведьмы. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем он сказал:

– Хорошо, через три дня мы уйдем.

– Нет, вы уйдете сейчас, а ты, милка, быстро иди сюда! – и бабуля, повернув голову, уставилась прямо на меня. Я вздрогнула, и туман в голове рассеялся. Кошка вырвалась из моих рук и скрылась за сараями.

Зайдя в горницу, я встретила взглядом с Хаимом, он хмурился и молчал. Тогда я сама подошла к нему почти вплотную и сказала:

– Я обещаю тебе, что не предаю, не забуду и останусь рядом, если тебе понадобится, потому что ты – мой друг навсегда!

Он моргнул, тряхнул головой и, невесело засмеявшись, крепко прижал меня к себе:

– Когда-то я уже слышал подобное от одной девушки, очень похожей на тебя. Только тогда было неприятно от слова «друг», а сейчас очень даже хорошо, я бы сказал просто отлично. Главное, не забывай свое обещание, Гатька, потому что если называешь кого-то однажды другом, то назад забрать слово уже нельзя, чтобы там не случилось! Ясно?

– Ясно. Ты возьмешь меня с собой, Хаим?

– Возьму, куда я денусь?! Одевайся, давай, да серьги мамкины в уши вдень, и больше не снимай, пока не скажу. Да! И бутылочку из холодильника прихвати, только ту, что побольше.

Хеска протянула ему темный плотно закрытый бутыль:

– Бражником был, бражником и помрешь! Ты мне ребенка, главное, не испорти! И вот еще что, клятву когда исполнишь, ту, что Марийке дал, и сдашь Гатьку в надежные руки, будет и тебе счастье. Как раз тогда, когда совсем ждешь перестанешь, оно на тебя и свалится.

– Как-то нехорошо ты мое счастье назвала... Оно. Может и не нужно мне такого вовсе.

– Счастье даже таким зубоскалам, как ты, нужно. И однажды его встретив, отпустить уже не захочешь.

И снова без объяснений.

Я подошла к бабуле и стиснула ее в крепких объятиях:

– А когда я вернусь, ба, ты будешь меня ждать?

Хеска обняла меня в ответ и погладила по голове:

– Всегда. И запомни, девочка моя, даже если однажды весь мир встанет против тебя, смело поворачивайся к нему задом и беги домой. Нам с Кроликом чхать на остальных – их мы не знаем, а ты нам родная. Что бы там ни было дальше, я здесь и жду твоего возвращения. Поняла?

– Да.

– Хорошо, это важно. И вот, возьми, – бабуля сунула мне в руку мамины серьги и мокрую тряпочку, – здесь спрятано зернышко, оно не простое: как только обоснуетесь в Огриве, посади его рядом с вашим домом и поливай в полную луну, а до этого тряпочка должна быть всегда влажной. Ну всё, ступайте, и не оглядывайтесь, я за вами следы почищу.

И меня снова вытолкали за дверь, оглядываться я не стала.

ГЛАВА 2

в которой прошло семь лет

Ратмир

Я смотрел на себя в зеркало и гордился зрелищем. Отражение максимально подходило случаю: продолговатое заросшее щетиной лицо, средней величины бегающие глазки с нависшими кустистыми бровями, нос с легкой горбинкой, тонкие губы, растянутые в хищной ухмылке. Длинные растрепанные волосы завершали мой маскарад.

Отвернувшись, еще раз прорепетировал походку, по сценарию я должен немного прихрамывать – это легко удавалось без всяких усилий с моей стороны, ботинки-то мы специально взяли меньше на размер, и надел я их на босую ногу. Данную «великолепную» идею подкинула напарница, задери ее дракон! Хромать хотелось сразу на обе конечности. Перед выходом нацепил выдавший лучшие времена пиджак и засунул в карман узелок с какой-то вонючей штукой внутри, в результате к моему прекрасному образу добавилось необходимое амбре. Принюхался, и аж самого замутило... Пора!

Стоя за углом старого домика в конце Тартовой улицы, я с нетерпением ждал напарницу. Она должна была появиться больше получаса назад. Ноги мои зудели и нещадно распухли. И вот, когда я уже собирался распрощаться с чертовой обувью, вдали показалась знакомая фигурка под руку с высоким немолодым мужчиной. Что ж, похоже, он всё-таки клюнул на нашу наживку. Сладкая парочка медленно плыла в моем направлении, они беседовали о чем-то, что вызывало румянец на лице «наивной» девушки. Вот она прикрыла рот ладонью и стеснительно захихикала. Собеседник покровительственно улыбнулся глупышке и заботливо поправил накинутый ей на плечи платок (ненавязчиво дотронувшись несколько раз до ее груди). Когда до меня оставалось всего с десятков шагов, эта растяпа неловко споткнулась и упала бы, если бы мужчина вовремя не поддержал ее. Пока она рассыпалась в комплиментах и словах благодарности, я, прихрамывая, вывалился из-за подворотни.

– Кошелек или жизнь?! – мои густые брови грозно сошлись на переносице. Но тут же

разошлись назад – вспомнилось, что приклеены они не очень хорошо и шевелить ими вообще не рекомендуется, маг – грима хватило только на нижнюю часть лица и на изменение формы и цвета глаз.

– Ааах, – девушка схватилась за сердце и припала всем телом к своему спутнику, руки ее тут же заскользили у него под пиджаком. – Вильгельм! Прошу вас, сделайте что-нибудь, иначе этот бродяга непременно обесчестит меня! Я слышала о подобном от подруг только вчера!

– Хм... – я оглядел Гатьку с ног до головы и назад, и пустил в ход недавно отрепетированную пошлую улыбочку. – Почему бы и нет? Такая ципа просто находка! А хахаль твой пусть карманы выворачивает и валит отсюда!

– Дорогая, не волнуйтесь так, – мужик аккуратно попытался отцепить от себя напуганную девицу, но не тут-то было: та схватилась за него, как утопающий за проплывающее мимо брёвнышко. – Прошу вас, милая, успокойтесь, на мне амулет безопасности, так что поверьте, ЭТОМУ мужчине ваша честь не достанется!

Нормально так. Мои брови снова сошлись на переносице, на этот раз озадачено. Если на клиенте амулет безопасности, значит, сигнал бедствия уже подан, и сейчас сюда спешит стража. Времени совсем не остается. Взглянув вопросительно на напарницу, я заметил с ее стороны легкий кивок и прорычал:

– Тогда пшел вон отседа, пентюх! А ты, девка, иди сюда, а не то пристрелю вас обоих! Ну! – И я грозно замахал ржавым арбалетом перед их носами.

Мужик вздрогнул и с силой оторвал от себя свою спутницу, я тут же дернул ее на себя и снова направил свое грозное оружие вперед. Девчонка испуганно заголосила:

– Ой, лю-ю-ю-юди-людюшки-и-и, помогите нам! Убивают среди бела дня, спасения ждуть не приходитсяааа! Сколько же можно несчастий на мою головушку-у-у-у-у, да откуда ж столько зла-а-а-а-а-а...

Кричала напарница знатно: тоскливо и с подвываниями, даже мне как-то не по себе стало, но мужик попался на удивление безжалостный. Сначала он уши руками закрыл, а потом и вовсе стал морщиться и отступать подальше.

– Куда ж вы, Вильгельм? А как же я?! Вы ж мне в любви клялись, жениться обещали! Иль забыли вы нашу страсть? Как сердце моё учащенно билось под вашей крепкой рукоооой... ууу... – Гатька надрывалась во всю, у нас стали появляться зрители. Тут мужик окончательно принял решение, развернулся и с криком: "Я приведу стражу, ничего не бойтесь, милая незнакомка!" – помчался назад, прикрывая ладонями лицо.

Я тут же затащил Гатьку в подворотню и активировал здешний телепорт. Прыгнули мы одновременно.

– Еще раз убедилась, что все мужики – сволочи! – напарница, сидя на нагретом солнышком камне, запустила руку в складку на юбке и вынула квадратное письмо, скрепленное печатью королевской семейки. – И ты тоже хорош, говорил, все предусмотрел, а он – вон какой, мало того что озабоченный, так еще заговоренный на разбойников оказался! Хорошо, что я соображаю быстрее некоторых! Еле успела письмецо сцапать.

– Хорошо – не то слово! Ты у меня просто находка! – я скинул опостылевшие ботинки, подхватил Гатьку на руки и закружился вместе с ней по парку. Спустя какое-то время, вдоволь насмеявшись и убрав следы нашего здесь присутствия, мы помчались к Змееусту – негласному главе Огрива. Пока Гатька ждала меня в одной из выделенных нам заранее комнат и снимала свой маг-грим, я передал письмо из рук в руки хозяину дома, рассказал ему, что и как происходило, и получил нашу долю в награду.

Так, спустя час, отмывшись, переодевшись и поделив добычу с напарницей пополам, мы шагали к своим домам.

– Ратмир, вот скажи мне, почему все мужчины такие? Три дня он меня обрабатывал и даже имени моего запомнить не удосужился – всё время только и твердил: "Рыбка моя, милая, дорогуша...". И ни единого подарка! Как в первую встречу букетик притащил, так и всё! Хорошо, что я сама догадалась у него часы золотые взять, а не стала надеяться на его щедроты!

– Покажи часики-то?

– Смотри, я их Риду подарю.

– За какие такие заслуги всё для него?

– Ты прекрасно знаешь! Это, можно сказать, вложение в будущее, когда мы станем жить вместе, часы все-равно вернутся ко мне...

Впереди показались высокие изгороди, за которыми прятались наши дома. Напарница, увидев их, немного приуныла:

– Ох, сейчас влетит из-за этой аферы. И было бы за что! Десять золотых... Змееуст совсем обнаглел. Да мы на грим почти столько же потратили! Еще Хаиму отстегивать. И зачем только я иду на всё это?!

– Спортивный интерес, радость моя! – я подмигнул напарнице. – А грим пригодится в следующий раз. Там и наваримся уже по полной! Есть тут одно дельце...

– Агата! – в нескольких десятках аршинов от нас появилась знакомая с детства фигура: высокий, широкоплечий мужчина в кожаных штанах по щиколотку и светлой рубашке с закатанными рукавами. Не человек – выдающиеся рога на лбу, остроконечные уши и копыта вместо привычных ног сразу привлекали к себе внимание. Но это что касается моего видения вещей. А вот, к примеру, Мира Дартовна (человечка из соседнего переулка) при дядьке Хаиме непременно принимает вид блаженной: глаза распахивает, губы растягивает в глупейшей улыбке и несет полную чепуху. Хотя ему это, по-моему, нравится...

– Где вы были? Разве я вас не предупреждал, чтобы вы заканчивали свои игры и отсиделись спокойно?! Снова лезете, куда не следует?!

Я вышел вперед и сделал абсолютно тупую физиономию:

– О чем вы говорите-то? Мы с Гатькой просто гулять ходили, на речку...

– Ты мне еще рожи построй, убогий! Сил не пожалею, сделаю так, что на всю жизнь

таким останешься! Мамку только вашу жалко...

Сзади меня аккуратно высунула нос напарница:

– Хаим, дельце-то было плевое, а пять золотых на дороге не валяются. Вот мы с Ратиком всё хорошенечко обмозговали...

– Обмозговали они! А вы в курсе, что по всему северному району досмотры устраивают и разыскивают молодую девушку-человечку и огривца средних лет, укравших важное донесение от самого короля у одного из делегатов Верховного Совета?

Мы с напарницей не смогли сдержать счастливых улыбок, готов биться об заклад, в голову нам обоим пришла одна и та же мысль: не зря мы столько на маг-грим потратили, он себя полностью оправдал. Мне семнадцать с половиной, и на мужика средних лет я уж точно не тяну, ну разве что ростом и голосом, если постараться. А Гатька действительно молодая девушка (моя ровесница), но никто в здравом уме человечкой ее не назовет: необыкновенно красивые черты лица, чрезмерная белизна кожи и горящие огнем зеленые глаза сразу выдают в ней одного из нас – полукровку.

– Понятно, раскаяния я не дождусь, что ж, тогда в ход пойдет наказание. Агата, домой, под домашний арест на все оставшиеся дни перед выпускным. А ты, исчадие Змееустово, не приближайся к ней ближе, чем на выстрел молнии из моих глаз, надеюсь, мы поняли друг друга.

Я кивнул, вынул из кармана заранее заготовленные золотые и передал сатиру его долю. Развернувшись, ободряюще сжал руки напарницы:

– Увидимся на выпускном, малая, врагу не сдастся наш гордый огривец.

– Увидимся, – Гатька кивнула, и пожала мои руки в ответ, а затем улыбнулась задорно, показала мне оттопыренный большой палец на правой руке и, быстро приподнявшись на носочки, шепнула в самое ухо: «Было здорово, мы молодцы».

Добравшись домой и перекусив любимыми с детства пирогами, я поместил оставшиеся золотые в тайник и с довольной улыбкой развалился на кровати. Очень хотелось обсудить с напарницей проделанную работу – только она знала, сколько было сил потрачено, чтобы отследить письмо и выкрасть его у этого хмыря с заговоренной игрушкой на шее.

Гатька. Вспомнил ее, и улыбка стала шире. Когда-то, кажется уже целую вечность назад, в соседний дом въехали двое: сатир и девочка-полукровка. Таких странных семеек у нас целый город. Взять хотя бы мою. Мама моя – Триона, человечка чистокровная, а вот мы с братом – с бору по сосенке. Ридьяра (старшего) она родила от Ворона – очень крутого оборотня из гильдии защитников. Еще молодой совсем была и влюбилась в него без памяти, потом он ее оставил ради родового брака и чистоты крови наследников... Спустя какое-то время мама спуталась со Змееустом (тем самым негласным главой наших земель), ну а вскоре я получился. Вторые роды были очень тяжелые, так что маму еле откачали, и детей у нее больше с тех пор не случилось. Магических способностей у меня практически нет, отец всё время ждет, что они проявят себя, но пока я зарабатываю только своим трудом, хитростью и ловкостью рук... Внешность у меня тоже вполне людская – светлые короткие волосы с удлинённой челкой, голубые глаза, обычные губы-зубы-уши... Так

что со стороны меня запросто можно принять за человека. А вот Ридъяр выделяется из общей толпы очень сильно, слишком уж крупное у него телосложение для людской расы, характер вспыльчивый, походка еще эта: тяжелая, развязная; и глаза желтые волчьи. В общем, все стараются держаться от него подальше во избежание непонимания и случайных травм.

Все, кроме Гатьки... Та всё время рядом крутится то так, то эдак, ждет, пока он в ней девушку своей мечты разглядит. Только зря это она, Рид на нее внимание и раньше мало обращал, а в последнее время и вовсе стороной обходить начал. Напарница ему подарки таскает разные и вкусности регулярно печет; он ест, безделушки принимает, но все попытки пойти на сближение категорически пресекает. Только Гатька не из тех, кто легко сдается. Она втемяшила в свою голову, что он ее пара из-за какого-то детского сна, где его глаза видела. И всё. Переубедить – не реально, да никто особенно и не старается – пироги у нее больно вкусные получаются.

С братом мы по-своему близки: я за него горло кому угодно перегрызу, но пока в основном грыземся между собой. Вообще не так много существ на свете, за кого бы я вступился в случае чего. Так, наверное, воспитаны все в Огриве: есть свой близкий круг друзей и родных, и баста. Остальные пусть рядышком пристраиваются, но в душу не лезут.

Город наш большой и слава у него идет далеко за пределы наших границ. А нас, его жителей, называют или огривцами, или бандитами, или разбойниками. В общем, это всё синонимы. Раз живешь в таком месте, значит ты вор, убийца и негодяй. Для кого-то это позорное клеймо, а для нас – образ жизни.

Если бы кто-то попытался описать Огрив двумя-тремя предложениями, получилось бы примерно так: расположен он на юго-западе Эндорры и представляет собой довольно-таки крупный полуостров. С трех сторон вокруг него моря: гиблое и синее, а на севере нас отделяют от окружающих «приграничные земли», туда без нужды лучше не соваться. Есть у нас и река Ось, широкая и глубокая; в ней регулярно находят нерадивых путников и перебравших с горячительными напитками местных. Сам же Огрив поделен на пятнадцать районов, каждый из которых курируют тузы, они, в свою очередь, подчиняются Змеесту. Формально нами правит человеческий король, но сам он сюда и носу не кажет, так что отец уже много лет стоит во главе воровских земель. А что касается архитектуры, здесь есть всё: от узких грязных улочек с маленькими покосившимися домами до огромных площадей, мощенных брусчаткой и застроенных величественными сооружениями. Есть театры, музеи и памятники, только вот желающих знакомиться с достопримечательностями не так уж и много.

Когда Гатька к нам приехала, ей было чуть больше десяти лет, и в первый же день она поцапалась с Ридъяром из-за какой-то ерунды. Всему виной была семечка, замотанная в мокрую тряпку. Девчонка неосмотрительно выложила ее из кармана в их огороде, пока землю лопаткой рыхлила, а Рид перескочил через забор и схватил тряпку, думал, она там что-то ценное прятать собралась. Гатька увидела его, да от неожиданности лопаткой огрела. Шрам небольшой до сих пор у Рида на виске остался, он его волосами прикрывает старательно и злится. А в тряпке той семечка была, из нее выросло смешное карликовое деревце, малакое. Оно два раза в год плодоносит какой-то ягодой, которую и есть-то нельзя. Глупое растение. Хотя подруга уверяет: с его помощью навещает свою бабулю раз в год без всяких порталов... Я ей верю, но сам ее перемещений ни разу не видел.

Когда Агата пошла в школу – мы попали в один класс, за одну парту. Я сам ее подозвал – хотел узнать, кому мой брат позволил себя пометить безнаказанно. Она не побоялась, под села ко мне и сказала: бить его больше не собирается, вообще-то братец мой просто красавчик, и однажды они непременно поженятся, а со мной она дружить будет по-настоящему. На мой вопрос, с чего это она взяла, что всё так и будет, Гатка абсолютно спокойно сообщила: она так во сне видела и подарила мне очаровательную улыбку. Так и осталась рядом сидеть, а вскоре и дела стали проворачивать разные, по мелочи. Змееуст нам серьезного ничего не позволяет делать – это забота у него такая о единственном отпрыске; но иногда, если что-то появляется не очень опасное – сразу дает подзаработать. А дядька Хаим хоть и ругается прилюдно и наказывать пытается, но на деле не мешает нам, за это регулярно получает процент от наших вылазок. В те вечера, когда сатир уходит на промысел или к Мире Дартовне повидаться, Гатка перебирается к нам в дом и спит у нас на печке. Мамка специально ей стелет там помягче. Так мы и жили, пока напарница не получила письмо от мамы.

ГЛАВА 3

в которой много слёз

Агата

Домашний арест – это лучшее, что мог придумать для меня Хаим. Прекрасное наказание. Вот уже второй день встаю с постели только для того, чтобы перекусить и поглазеть из окошка в сад. Там, на самом солнцепеке, сушились ягодки малакои, которые я бережно собрала несколько дней назад. Скоро они просохнут совсем, и я смогу пополнить запасы порошка для перехода. Когда-то бабуля дала мне семечку без всяких объяснений и инструкций, и я посадила ее в нашем с сатиром саду. Каково же было мое удивление, когда, к новой луне малакоя дала первые росточки. Ту радость не передать словами. Уже спустя пол-года под моими окнами рос небольшой аккуратный кустик с волшебными свойствами, о которых мне поведал Хаим. Порошок, который получался из ягод этого растения, был очень ценен: с его помощью можно переходить в нужное место без всяких порталов, не расходуя магических сил. Хорошо, что в городе, да и вообще в мире о подобном чуде знают очень немногие. Кустики малакои произрастают в очень труднодоступных местах и плодоносят всего дважды в год в малых количествах. Кроме Хаима растение видели только Рид и Ратик. Но ни один, ни второй не верят в его истинное предназначение.

Отвернувшись от окна, я снова легла на кровать. Два дня подряд сидеть дома, все-таки это немного скучно. Тишина и покой, конечно, радовали, но вволю отоспавшись, я стала скучать по Ратмиру и Риду. Сегодня на душе было особенно не спокойно. Какая-то червоточинка поселилась в голове и не давала спокойно расслабиться. Прикрыв глаза, я постаралась отрешиться от всего и уснуть. Но не тут-то было, сразу вспомнился Рид и наша последняя встреча. Я пришла к ним в новом платье, распустила свои каштановые волосы, нацепила на лицо лучшую из улыбок... А он, увидев меня, закатил глаза и выбежал куда-то по делам. Просто идиот! Мне ведь сегодня ближе к полуночи семнадцать исполнится, в моем возрасте его мама уже родила, а я всё в девках хожу, жду у моря погоды.

Раздражение в душе не давало покоя, я перевернулась на другой бок и почувствовала, тревога внутри нарастает. Глубоко вздохнув, решительно села и уставилась на входную дверь. Очень хотелось выпустить свою магию наружу, она буквально клокотала внутри меня. Но нельзя, иначе всплеск засекут, и придется худо...

Бумс!

От неожиданности я вскрикнула и подпрыгнула на месте. С пальцев руки сорвалось несколько искорок, которые тут же угасли.

Бумс! Бумс!

Ко мне в окно пыталось попасть маленькое маг-письмо, сложенное в виде журавлика, но натываясь на защиту, стучалось и отлетало назад. Я махнула рукой и окно открылось. Тут же на моей ладони оказался листок бумаги, трепыхающийся на сквозняке. Кто-то потратил очень много сил, чтобы выслать для меня подобное чудо. Что ж, не стану лукавить, любопытство – мое второе имя, так что в следующие несколько мгновений я расправилась с птичкой окончательно и, разгладив на столе листочек, исписанный аккуратным разборчивым подчерком, прочла следующее:

"Здравствуй, Агата.

Спустя столько лет я всё же решилась написать тебе это письмо. Сегодня ночью ты станешь совершеннолетней по дрианским и по драконьим меркам. Я не знаю, какая кровь, моя или отца, в тебе взяла верх, да это и не важно. Важно только одно, чтобы эти силы не были во вред.

Когда-то давно я была очень молода, амбициозна и полна жизни. Наперекор матери, я отказалась прозябать на болотах и учиться у нее исконно дрианским наукам – травоведению и зельеварению. Меня манил город, хотелось богатства, славы и, конечно, любви! Как только мне исполнилось семнадцать, я собрала сумку, стащила мамины сбережения, кое-какие снадобья и, не прощаясь, отправилась навстречу приключениям. С первой попытки я поступила в Институт магического мастерства и подавала большие надежды на своем потоке. У меня было много поклонников... Некоторым я отвечала взаимностью, но сама особенных чувств ни к кому не испытывала. Если бы всё сложилось иначе, возможно сейчас в мире было бы больше на одного (не стану скромничать – очень талантливого) артефактора, но... я встретила твоего отца и полюбила его.

Знаешь ли ты, что такие как мы можем полюбить по-настоящему лишь однажды? Я не говорю о симпатиях, таковых бывает просто море. Были и у меня увлечения, даже отношения зарождались... Но для супружества дриана выбирает мужчину, который подходит ей идеально как физически, так и духовно. Так и случилось у меня. Когда ты встретишь свою НАСТОЯЩУЮ пару – сразу поймешь это. Так чудесно ощущать, что твое, всегда ровно бьющееся сердце, вдруг начинает сбиваться с привычного ритма только от одной мысли о нем... И этот душевный трепет, волнение во всем теле, когда он вдруг поймал твой взгляд и улыбнулся... Мы с Тиироном утонули друг в друге. Я забыла обо всех прежних увлечениях.

Он сделал мне предложение, и я согласилась. Дело это было решенное, поэтому мы

стали проводить ночи вместе. Но за два дня до бракосочетания он пропал. Просто ушел повидаться с каким-то знакомым и не вернулся. Несколько дней я была сама не своя, подняла на уши всех друзей, учителей, обращалась к служителям правопорядка, умоляла помочь. А потом получила от него письмо. В нем сухо сообщалось, что с Лисом Виннэром (твоим дедом) стало плохо, и Тиирону необходимо было уехать в срочном порядке. Но он пообещал мне, что вернется, и всё у нас будет как раньше. Я верила и ждала. Но проходили недели, а известий больше не было. Учеба потеряла для меня всякое значение, потом начались проблемы со здоровьем. Оказалось, что это ты...

Узнав о беременности, я обрадовалась, потому что драконы никогда не бросают своих детей. Тогда я и написала ему о том, что уезжаю к Хеске, так как жду от него ребенка и учебу продолжать не могу. Полная надежды и веры, я отправилась в родительский дом ждать твоего отца. Только все было напрасно: он не приехал, письмо мое также осталось без ответа. Я умирала от тоски в прямом смысле слова, места себе не находила...

Ближе к концу беременности приехал Хаим, мой единственный друг, и привез мне письмо от Тиирона. Твой отец был всем для меня, и я до последнего верила, что это взаимно.

Знаешь, Агата, что было дальше? Я прочла его послание и поразились: никогда не думала, что он однажды откажется от меня. Кричала, упрямо доказывала, что такого быть не может, не хотела принять подобный конец! Но Хаим подтвердил, что Тиирон женился на особи из своей расы, и они уже ждут совместного ребенка. Жить я больше не желала, но два сердца настойчиво продолжали стучать во мне так же размеренно, как и раньше: моё и твоё... Потом снова случилась истерика, и начались роды. Так в полночь, после суток мучения, на свет появилась ты, Агата.

Хочу, чтобы ты знала, я действительно старалась полюбить тебя, пробудить в себе хоть какие-то материнские чувства, и не переносить на тебя свои боль и разочарование. Но слабости мои победили. Я никогда не была хозяйкой своих настроений, и мать много раз говорила, что это меня погубит. Возможно, так оно и случится...

Мне казалось, я уже начала привыкать к тебе, даже радовалась вместе с Хеской твоим достижениям — первой улыбке, первому зубу, первой попытке сесть... Ты была так похожа на меня, просто одно лицо! Но однажды я вышла за тобой во двор, забрала тебя у матери с коленей и случайно заглянула в твои глаза. Они поменяли цвет, Агата. Ярко-зеленые глаза твоего отца пристально смотрели на меня и лучились наивностью и любовью. Многие способна забыть женщина, но только не глаза, в которых впервые утонула. Это стало последней каплей в океане моего горя, и жить с вами я больше не смогла... Однажды, повзрослев, ты вспомнишь эту мою исповедь и, кто знает, возможно поймешь и простишь.

P.S. Это важно: спустя год в пустых страданиях и самобичевании, я нашла себя в любимом деле, но и здесь злодейка судьба не пощадила ни моего учителя, ни меня... Я дала клятву камню, от которого стоило держаться как можно дальше; берегись желтого кулона, не поддавайся его чарам! Сейчас я очень далеко и по-своему счастлива, но предчувствие беды не оставляет меня.

Не доверяй никому.

Мария.

Я стояла у окна и в третий раз перечитывала письмо. Злилась ли я на эту женщину, так и не решившуюся даже в письме назвать меня дочкой? Нет, но и жалости к ней не испытывала. Она бросила меня и ушла неизвестно куда только потому, что отец не оправдал ее надежд, а я унаследовала от него цвет глаз. Я засмеялась и сама поразилась, насколько злобно у меня это получилось.

Настроение ухудшалось с каждой минутой, сжав письмо в руке, я осознала, чего сейчас хочу больше всего: мне срочно нужно было выговориться Ратику и Риду, и плевать я хотела на домашний арест.

Вбежав в их дом без стука, сразу налетела на Рида. Он, увидев меня, сморщился, будто съел что-то очень кислое и стал собираться на выход. Ну и ладно, значит, не расскажу ему ничего. Оббежав сбоку этого недотрогу, я грустно улыбнулась и обратилась к Ратику:

– Ты мне нужен, идем.

– А твой арест? Уже амнистировали? – друг потянулся за обувью и с интересом ждал ответа.

– Да-да, – от нетерпения я постукивала одной ногой по полу и теребила письмо Марии в руках.

– Что это у тебя? – Рид замер в дверях и посмотрел прямо на измятую бумажку. – Ну-ка, покажи.

– Нет, это тебя не касается! – схватив Ратика за руку, я потащила его на выход, попутно пытаюсь обойти его брата – здоровяка.

– Дай сюда! – этот громила одним движением вывернул мою руку и схватил письмо. – Прочитаю и верну. Хватит уже с вас неприятностей!

Я хотела накричать на него, бросить в него парочку пульсаров или хотя бы ударить кулаком прямо по наглой роже, но снова остановилась. Опустив голову, пробежала к окну и уставилась на улицу, встав спиной к обоим братьям. По щекам текли слезы, и это было так непривычно для меня, что я сама растерялась. Причина была очевидна – мне хотелось выть от обиды на Рида, потому что он позволяет себе так со мной обращаться. А я сдерживаю свой нрав, не хочу оттолкнуть его от себя еще сильнее. С другими девчонками он себе не позволял такого, а со мной – вот, пожалуйста! Я бы и сама дала ему это письмо, если бы он был приветливее, если бы просто попросил, потому что всегда бежала делиться с ними всем, что выбивает меня из равновесия. Хаим только смеялся над моими страхами или переживаниями, а в этом доме всегда находится кто-то сочувствующий и понимающий...

– Гатька... – сзади меня раздался тихий голос Ратика. – Ну ты чего? Что в той бумажке такого важного? Ничего, что может стоить хоть одной твоей слезинки, – друг одним движением подтянул меня от окна и крепко прижал к себе. – Тебе очень не идет плакать, а вот когда ты улыбаешься, сразу на душе светлее становится. Ну-ка, где твоя улыбка? О, представляешь, твоя ямочка на правой щеке пропала – похоже кто-то переедает на ночь...

– Да иди ты! – я засмеялась и повернулась к окну задом, к братьям передом. – Дочитал? Теперь отдай письмо мне.

Рид, выглядевший непривычно растерянным и хмурым, протянул мне листок, и я сразу передала его Ратмиру. Тот неуверенно посмотрел на бумагу, затем на меня.

– Да читай уж, – я вытерла остатки слез ладонью и снова отвернулась, – сама не знаю, что на меня такое нашло, я всё равно за этим и пришла. Поделиться хотела...

Рид хмыкнул и пробасил:

– Хорошенький подарочек на совершеннолетие. И это нормально плакать, когда в день рождения тебе такое письмо присылают. Я бы ей за это послание руки-то подкрутил... Еще и хвастается, что дело любимое нашла, а тебе какая польза с того? Лучше бы золотишка прислала или хоть тряпок каких новых, как ты любишь.

Старший брат Ратика одним движением развернул меня к себе и, поддев рукой подбородок, заставил смотреть на него:

– Ты, главное, пойми, Гатка, матери не бросают своих детей от того, что у них цвет глаз похож на отцовский! Я имею в виду настоящих матерей, таких как наша, как Хеска твоя, как тысячи других... В горе и радости они рядом, понимаешь? А эта твоя Мария – просто заикленная на себе истеричка и сво...

– Рид! – Ратмир ознакомился с содержанием письма:-) и вовремя прервал брата. – Всем и так понятно, кто такая эта неженка, и надо было додуматься исповедаться дочери в такой день! Да еще как выкрутила, вроде как сама ты и виновата, что мамка бросила – долго рожалась, цвет глаз поменяла, еще и смотрела (просто кошмар!!!) с любовью! Просто всё назло ей делала. Хорошо, хоть не притопила тебя перед уходом от избытка чувств...

Я усмехнулась. Как всегда, наши с Ратиком мысли совпадали.

– Идем, смоем с тебя всю печаль! Предлагаю махнуть на речку, в такую жару дома сидеть вообще не охота! – друг схватил все еще горестно вздыхающую меня за руку и потянул за собой, постоянно болтая на ходу: – Вот окунемся пару раз, и всё придет в норму! Вода – она, знаешь, всё-всё лечит, только главное не увлечься! А то, слышала, Потап вчера снова чуданул? Напился, зараза, браги и ну нырять на спор, то с одного обрыва, то с другого! Так и до отшиба дело дошло, нырнул он оттуда за пятак серебрушек, не рассчитал, как всегда, и об бульжники головой тук!

Я всплеснула руками и скривилась:

– Помер?

– Кто, Потап? Ты что, забыла, как этот детина выглядит? Бульжники вдребезги разлетелись, а у него легкое сотрясение, да глаз один снова бегать начал сам по себе. Да и это скоро пройдет! Батя у него знатный оборотень был, тоже сил немерено...

– А где его отец сейчас?

– Как где? На железных островах, срок мотает. И было бы за что! В завязке лет

десять был, а потом в Мастивир, столицу людей, поехал на ежегодную ярмарку, да там и сорвался. Напился до чертиков и в драку полез с оборотнями чистокровными, силушку им свою хотел доказать. А там, оказывается, король Эриус третий, "великий и ужасный", с делегацией присутствовал, ну и попал под горячую руку: карету, в которой он уехать хотел, в дрянь разбили, охрану всю покалечили, самому королю нос и пару ребер сломали. Хорошо в делегации драконы были, они-то драку и разнимали. Эриус сразу всех, кто дрался и кто просто присутствовал, казнить хотел, но потом брат его младший вмешался, Ангус. Суд провели, суть вопроса выяснили, как положено. В общем, еще лет десять примерно мужикам на островах работать.

– Это еще слабовато, за покушение на короля они хорошо отделались.

– Какое там покушение? Говорю же тебе, междусобойчик устроили парни, а этот идиот просто под руку подвернулся, вечно бегаёт и на неприятности везде нарывается. Не зря его в народе все высмеивают! Даже шуток ходит, что королева, мать его, родила не от короля, а от шута, чтобы отомстить мужу за постоянные измены. Так сама же и поплатилась! Злобный тип сынишка ее получился. Король-отец как помер, так она при дворе и появляться перестала, всё больше в южной башне отсиживается, грехи замаливает. Хотя, наверное, не только молится, шут-то тот в той же башенке проживает...

Я смеялась всю дорогу, совершенно забыв о плохом предчувствии. На пути к речке нам довелось пробираться через плотные заросли кустов. Ратик вперед отправился, а я шла следом, спотыкаясь и петляя меж колючек. И вдруг ноги словно приросли к земле, ладони моментально вспотели, а тело стал бить крупный озноб. Пришлось остановиться, чтобы не свалиться на месте. Меня впервые одновременно раздирали чувство тревоги и жуткого любопытства, противиться им я не смогла, обернувшись, сделала несколько шагов назад и позвала друга:

– Там кто-то есть, слышишь стон?

– Глупости, я ничего не слышал, идем.

Тревога усилилась, и в то же время меня неотвратимо тянуло вперед, будто что-то необходимое мне находилось так близко, и стоит сделать всего несколько шагов... На этот раз из кустов отчетливо донесся громкий стон.

– Стой, Гатька, не наше это дело! Когда же ты запомнишь, что мы без нужды и хорошей оплаты в неприятности не лезем!

– Я только проверю, гляну одним глазком и всё. Ты понимаешь это что-то очень важное! – стоя возле кустов, я пригнулась и увидела мужчину. Он был весь в крови, одежда порвана, рот приоткрыт и жадно втягивает в себя воздух. – Ой! Дяденька, вы здесь откуда? Сейчас мы кого-нибудь позовём, мы быстро-быстро...

Не успела я сделать и шагу назад, как была схвачена за руку. Что-то острое впилося в ладонь, потекла кровь. Мужик прижал свою окровавленную руку к моей и зашептал, глядя на меня остекленевшими глазами:

– Кровь к крови, клятва к клятве. Передаю свои обязательства, принимаешь ли ты их?

Я словно окаменела, в голове расплзался туман, язык стал ватным. Не отдавая

отчет своим действиям, я громко сказала:

– Кровь к крови, клятва к клятве. Я принимаю твои обязательства, как свои, и жизнью клянусь, что исполню волю камня.

Мужик моргнул, оцепенение спало, я резко выдернула руку из его захвата и уставилась на маленький желтый кулон в моей окровавленной ладони.

– Гатька! Дура! Что ты наделала? Это же наемник из северных земель, они профессиональные маги-убийцы! Я же тебе кричал, звал тебя, а ты будто и не здесь была! Околдовал, урод! – Ратмир со всей силы ударил ботинком по телу многострадального мужика. – Сдох! Он сдох! Последние силы на тебя, дуррру, потррратил!

Ратик явно был в бешенстве, последние слова вообще словно прорычал, а я всё стояла на месте и рассматривала труп мужчины, не понимая, что же всё-таки произошло.

Шлеп!

В груди у мертвеца нарисовалась арбалетная стрела.

– Бежим! – друг с силой толкнул меня на дорогу и помчался следом. Сзади все чаще слышались шлепки, а мы всё бежали. Нырнув в очередную подворотню, я пробралась через дыру в заборе и помчалась к нашим домам. В ушах у меня свистело, в груди всё горело, сил больше просто не было. Вдруг Ратик, бежавший следом, качнулся в сторону и упал. Оглянувшись, я увидела его распластанное на земле тело, а в плече и спине у него торчали стрелы. Я зажала рот рукой, чтобы подавить рвущийся наружу крик и бросилась к нему:

– Вставай, давай-ка, облокотись на меня, идем, давай же! Давай!

Я тащила друга к дому, а он не подавал признаков жизни, и тогда я закричала:

– Риииид!!! Риид!!!

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем калитка с треском отлетела в сторону, и он показался на пороге, остановился всего на мгновение, оценивая обстановку, затем бросился нам навстречу, схватил Ратмира на руки и помчался назад, я поползла за ними.

Добравшись до дома, увидела у кровати Рида, он стоял на коленях и разрывал рубашку на Ратике.

– На нас напали! Мы нашли какого-то мужика, наемника, мага... Он там умер, а потом на нас напали! Всё время стреляли, а мы всё бежали и бежали, а потом Ратик упал! – снова слёзы текли по лицу, ноги подкосились и я обессилено села рядом с другом.

– Раны серьезные, нам нужен маг и очень быстро.

– Я обладаю нужными силами, Рид...

– Тебе нельзя магичить, Хаим не просто так тебе запретил. Хочешь, чтобы завтра

здесь толпами бродили желающие воспользоваться твоими талантами? Ото всех мы не отобьемся.

– Тогда моя кровь! Во мне есть кровь дракона, Хеска говорит, она сильна, – я смотрела на лежащего без сознания друга и закатывала рукав.

Рид схватил мой локоть и слегка сдавил в попытке остановить:

– Если отдашь свою кровь – породнишься с ним, вы станните кровными родственниками. И это непоправимо! Другие драконы не примут его, тем более не поймут твоего расточительства. Не вариант. Придется вызвать Валду, у меня есть кое-какие сбережения...

– Нет! Ты знаешь, что с тебя она денег не возьмет, потребует услугу и ты тысячу раз пожалеешь о том, что обратился к ней! – я выдернула свою руку из его цепких объятий и, стиснув зубы, проговорила: – Делай, что нужно, и поскорее, я почти не чувствую в нем жизни.

Ридьяр еще мгновение помедлил, затем глубоко вздохнул, достал нож из-за голенища сапога и сделал аккуратный надрез на моем запястье.

– Приложи окровавленную руку к его ране, прикрой глаза и постарайся думать только о хорошем. Дальше я все сделаю сам. Твое дело расслабиться и ответить на несколько моих вопросов. Начнем. Ты добровольно отдаешь кровь Ратмиру Кардусу?

– Да.

– Ты осознаешь, что он станет... Он останется навсегда твоим братом по крови, и это не изменить?

– Да-да, хорошо, я понимаю, осознаю, скорее!

– Как всегда делаешь, а потом думаешь, но мое дело предупредить, я так и сделал, – Рид снова тяжело вздохнул, и приложил мое окровавленное запястье к ранам на спине брата. – Да будет так, кровь к крови... Асхэ... таариис ни ридос...

Он что-то скороговоркой зашептал, и я перестала слушать, только улавливала дыхание Ратмира. Вдох-выдох... Вдох-выдох, снова и снова. В какой-то момент мы стали дышать в унисон, и мне даже боль в предплечье почудилась.

– Хватит! – Рид оторвал мою руку от Ратика и с беспокойством заглянул мне в глаза. – Ему уже лучше, скоро он очнется, раны затянулись на глазах. Как ты себя чувствуешь?

– Плохо, конечно, что за вопрос? – прохрипела я и устало на него посмотрела. Он улыбался и слегка покачал головой. Я тоже невольно улыбнулась, но тут же нахмурилась от пришедшей в голову мысли: – Рид, мне нужно рассказать тебе, что произошло, это очень важно. Похоже, я сильно влипла, как тот дурачок из людских сказок! Поклялась своей жизнью, что пойду туда – не знаю, куда и сделаю то – не знаю что, но подсказка к решению этой шарады у меня есть.

С этими словами я вывернула карман брюк, и оттуда вывалился виновник наших последних злоключений.

Глава 4

в которой происходят необратимые изменения.

Хаим

Переполох в городе был не шуточный: Змееуст поднял на ноги всех своих ребят. Только результатов ноль. Азарт пропал и кулон памяти вместе с ним. Этот чертов наемник всегда был перестраховщиком и наверняка давно сбежал через портал к своим сообщникам. Теперь ищи ветра в поле, да и цену при новой встрече заломит, будь здоров...

Мне необходимо было срочно выпустить пар, иначе голова грозила треснуть от перенапряжения. Столько лет идти к цели и у самого порога оступиться...

Я зарычал от бушующей внутри злобы. Проходящий мимо молодой оборотень отскочил в сторону от неожиданности и чертыхнулся. Хм, пожалуй, он – тот, кто мне нужен. Резко развернувшись, со всей дури дал ему в глаз. Парнишка пошатнулся и отступил на несколько шагов назад. Еще миг, и его глаза, хищно блеснув, стали наливаться кровью, изо рта полезли нехилые клыки. Вот оно, счастье! Я снова замахнулся...

Все еще тяжело дыша, отнял лицо от земли, перевернулся на спину и, смачно сплюнув, облегченно вздохнул. Всё тело болело, но на душе стало гораздо лучше. Рядом ворочался и тихо кряхтел оборотень. Я рывком поднялся на ноги, пару раз повел плечами, покрутил головой вправо-влево и протянул бедолаге руку, со смехом проговорив:

– Подъем, удалец! – парень, хмуро поглядывая на меня заплывшим глазом, схватился за протянутую ладонь, оттолкнулся второй рукой от земли и со стоном боли, поднялся на ноги. – А ты ничего, ловко так меня пару раз зацепил!

Оборотень фыркнул и тихо рыкнул в ответ, насмешливо скалясь:

– Вы меня врасплох застали, к тому же я дрался не в полную силу, ведь мать всегда говорит мне, что старость нужно уважать!

Я злорадно усмехнулся:

– Кастиэла плохому учить не станет, привет ей передавай!

Притянув удивленного парня к себе в легком объятии, и, не обращая внимания на явное недовольство, похлопал его по спине и зашагал в нужном направлении. Ну обозвал меня этот хмырь стариком, но ведь и размяться мне помог, костей своих не пожалел, да и мать у него женщина-огонь... Уж мне ли не знать... Поэтому я забрал у него только кошелек, а родовой перстень трогать не стал. Всё от того, что натура у меня такая: добрая и отходчивая.

Уже приближаясь к нашему с Гатькой дому, я снова почувствовал неладное.

Противный холодок пробежал по позвонку, заставив хвост нервно дернуться. Прикрыв глаза, открыл внутреннее зрение и замер. С моей воспитанницей что-то было не так, а находилась она явно у своих закадычных дружков!

Тихо прокравшись в соседский дом, я выждал несколько секунд и заглянул в комнату. Гатька, Ридьяр и его братец сидели на кровати и что-то внимательно рассматривали.

– Может это ничего и не значит? Ну, вся эта муть с клятвой... И камешек какой-то бледноватый, и мужик тот явно не в себе совсем был, – подал голос Ратмир.

– Может и стрелы у тебя в плече нам показались?! – Ридьяр отвесил брату подзатыльник. – Когда уже вы оба сможете спокойно жить и не вляпываться в дерьмо по самые уши?!

– Никогда! – я подошел вплотную к кровати и, нагнувшись, взглянул на взволновавший ребят предмет. – Твою ж мать! Где вы это взяли?!

Посреди кровати спокойно лежал кулон памяти, за которым охотятся лучшие наемники по всему миру, и я в том числе. А на меня уставились две пары абсолютно невинных глаз и одна очень злая.

– Значит всё-таки кулон памяти... – Ридьяр медленно перевел взгляд на брата и, склонившись к нему, сжал ладони в огромные кулаки, недвусмысленно намекая, что того дальше ожидает.

– А я-то чего? Это вон Гатьке не терпелось в кусты залезть, мне что, ее к себе наручниками надо было приковывать?! – парень аккуратненько отодвинулся к стене, заодно прикрывшись подушками.

– Я вас обоих прикую!!! Вас проще прибить, чем всю жизнь подчищать там, где вы появляетесь! Представляете хоть, что натворили?! – руки Рида разжалась и медленно потянулись к тоненькой Гатькиной шее. – Я тебя избавлю от клятвы, всех нас сейчас избавлю от мучений! Случайно у нее вышло, получилось у нее так, вот и у меня сейчас случайно рука сожмется...

– Дядька!! – Агата соскочила с кровати и кинулась мне за спину. – Он совсем сдурел, сделай что-нибудь! Бешеный!!!

Рид медленно поднялся и зарычал, Ратмир уперся спиной в стенку и постарался максимально с ней слиться, и я бы смог зарыть топор войны, вот честно, но тут Гатьку прорвало! Высунувшись из-за моей спины, она закричала так, словно в ней много лет обида копилась:

– Ну и не лезь, куда тебя не просят! Не ты клятву давал, а я! Вот и отвечу, а тебя это вообще не касается, можешь идти вон, заниматься своими делами! Защитничек!

Я молчал. Совсем девка чувство самосохранения потеряла, парень-то вон весь багровый от ярости, вот-вот дым из ушей повалит, а ей всё мало:

– Чего уставился? Мучение я для тебя, да? Прибить меня проще, чем жить со мной рядом, да?! Да и тьфу на тебя! (и ведь плюнула, хоть и недалеко!) И не нужно мне ничего! Оставайся один на один со своим... со своим... Один оставайся, а меня не

увидишь больше! Ты мне не нужен... ты... кобель ты!

С этими словами ополоумевшая от гнева Гатька выскочила вперед и со всей своей девичьей дури ударила кулаком по груди обидчика окаянного!

Послышался глухой бумс, словно чан с водой уронили.

И без того обалдевший от такого напора Ридъяр прирос к полу и растеряно переводил взгляд с меня на мою воспитанницу и назад, словно бы спрашивая: «Что это, мать вашу, было?!»

Агата тоже застыла, лицо ее побледнело, кулак наоборот стал отливать ненавязчивой такой синевой... В конце концов оба участника ссоры устали на травмированную конечность и никак не желали отмирать.

– Эээ, ну что ж, похоже, нам пора, – я схватил за шкуру сцепившее зубы существо с бешеными глазами (уже весьма отдаленно напоминающее мою улыбчивую воспитанницу) и стал медленно оттаскивать ее подальше от крупного полу-оборотня всё еще потрясенно стоявшего на месте.

На полпути пришлось ускориться, потому что Рид явно начал отходить от первого шока: его левый глаз стал нервно подрагивать, а тело несколько раз подозрительно качнулось в нашу сторону. Дополнительные трудности в отступлении создавала Гатька – девчонка снова раскрыла рот, собираясь, видимо, предъявить претензии по поводу больной руки. Заглушить новые крики явно больной души помогли моя ладонь и великолепное самообладание.

Выбежав наружу, я подхватил свою мелкую бестию под мышку и уже собрался начать лекцию под названием «Ах, кого я воспитал на свою голову!», но тут снова пришел холодок. На улице, за забором, таилась опасность, я чувствовал это всеми фибрами своей души. Дело плохо!

– Гатька! Пригнулась и быстро домой! Через дырку в заборе! Всё плохо, слышишь меня?! Бегом! – поставив девчонку на землю, встряхнул ее несколько раз, дождался осмысленного кивка и подтолкнул в нужном направлении. Развернувшись, послал маг-предупреждение ребятам, надеясь, что они успеют сбежать.

Оказавшись в доме, я призвал тьму и развеял ее по периметру комнаты. Агата уже достала запасы малакои и аккуратно вычерчивала круг на полу, когда с улицы послышались первые крики и выстрелы.

– Не обращай внимания, они нас не достанут, мне пришлось немного помагичить с тьмой, но мы всё равно уходим отсюда, – я старался, чтобы голос не выдал моего волнения, нужно было увести Гатьку в безопасное место.

Крики на улице повторились, девчонка замерла на месте, вместо того чтобы шевелиться.

– Гатька, нет времени! Каждая секунда дорога.

– Это Ратмир. Его крик, – воспитанница прижала руки к груди, не замечая, как просыпается драгоценный порошок.

– Нет, тебе показалось, нужно уходить, сейчас! – я вырвал из ее рук мешочек и

стал насыпать малакою по начерченному заранее рисунку, но эта неуправляемая выскочила из круга и побежала к дверям. Конечно, открыть их ей не удалось, тогда она обернулась и с мольбой уставилась на меня:

– Открой, Хаим! Прошу тебя, я не уйду так... Я не могу!

– Агата, заходи в круг, они большие мальчики и сами разберутся.

– Но как же этот амулет, кулон... Он остался там, у них. Открой дверь, нужно забрать его! – девчонке было плевать на артефакт, уж я-то знал. Она пыталась зацепить меня, привести разумные доводы, чтобы остаться и помочь своим друзьям.

Я покачал головой и вынул из кармана обернутый в платок камешек, который так неосмотрительно оказался на кровати без присмотра. Показав ей свою добычу, понадеялся на ее благоразумие. Не тут-то было. Похоже, в девчонку бес вселился: глаза выпучила, руками замахала, рот открыла и давай голосить:

– Тыы!!! Ты забрал его, а их будут пытаться, а они даже не знают, куда он делся! И мы просто уйдем, а они там одни... Никогда! Слышишь меня?!

Я отступал, она приближалась. Обдумывая чем лучше ее оглушить – тьмой или просто по темечку вдарить, я оступился и упал назад. Ниточка, за которую держал магию, все-таки лопнула и тьма спала. Тряхнув головой, я подскочил на ноги и... услышал, как хлопнула входная дверь.

– Гадство! – одним прыжком достигнув окна, уставился наружу. Забора нашего не было, вместо него дотлевали угольки. На дороге перед домом толпились несколько десятков наемных оборотней в человеческой ипостаси, пятак орков и с десятком людей... Все озлобленные и настроенные идти до конца. Двое наемников держали окровавленного Ратмира, а один из людей, (похоже, маг-телепат) умело сдерживал все попытки мальчишки освободиться и, одновременно, пытался пробиться к нему в голову. Ридъяр громко рычал и отчаянно вырывался, но что может один полуоборотень противопоставить троице оркам?.. Тут все разом замерли и уставились на меня... А, нет, на Гатьку! Девчонка выбежала к ним сама, визжа что-то невнятное и плавно переходя на ультразвук. Даже у меня, находящегося в доме, уши заложило.

Добежав до места, где был когда-то забор, Агата вскинула руки, и на улице стало быстро темнеть. Налетел ветер, да такой, что деревья затрещали. Убрав защиту с окна, я рванул наружу и послал в небо метку-призыв. Несколько минут, и помощь придет!

– Мерзкая дрянь! – один из людей вскинул руку, и Гатька, схватившись за свое горло, стала медленно оседать на землю. Я рванул к ней, но будто на стену налетел. Метнулся назад, прочитал заклинание, энергетическая стена рассыпалась уже у моих ног, но тут же выросла новая. В отчаянии метнул взгляд на воспитанницу, она лежала на земле, широко открыв рот и выгибалась дугой. Новая стена осыпается под моим напором... И вдруг нечеловеческий вой заставил меня замереть, раздались крики обезумевших от страха наемников. Снова бросив взгляд на Агату, убедился: ее отпустили. Бросился на наемников и тут же застыл от ужаса. Что ж, я всегда знал, что беда не приходит одна! От сильнейшей эмоциональной встряски Ридъяр перекинулся. И всё бы ничего, но в его возрасте первый оборот – это нонсенс и грозит безумием и вечным заточением в шкуре.

Огромный чёрный волчара рвал на куски орков, маги в панике стали разбегаться во

все стороны, оборотни-наемники нерешительно отступали: никто из них не хотел быть укушенным впервые обратившимся и обезуметь вместе с ним. Из-за деревьев, наконец-то, стали появляться огривцы, те, кто откликнулся на мой призыв. Вспышки магии, вскрики и глухие удары стали слышаться отовсюду.

Очень медленно продвигаясь вперед, я заметил скорчившегося на земле Ратмира, и, призвав тьму, бережно окутал его с головы до ног. Развернувшись, собрался проделать тоже для Агаты, но тут меня впервые в жизни накрыла настоящая паника. Девчонка стояла на коленках и огромными от страха глазами смотрела на медленно приближающегося к ней оборотня, из окровавленной пасти которого торчали огромные клыки, а из груди доносится глухой угрожающий рык.

– Хаим, сетка из тьмы!!!

Крик Валдура раздался неподалеку, и мои рефлексы сработали быстрее, чем сознание. Буквально в шаге от Агаты волчару накрыла тьма, вынуждая его мгновенно погрузиться в сон.

Я бросился к своей девочке, схватил ее и прижал к себе. Она дрожала, словно лист на ветру, и все время цеплялась за мою рубаху, боясь снова остаться без защиты. Хотелось рвать и метать, но пришлось взять себя в руки. Попытавшись разговорить Агату, я понял, все зря – она прибывала в состоянии шока и пустыми, широко открытыми глазами смотрела куда-то сквозь наш дом.

Змееуст, увидев нас двоих, подошел и предложил всем отправиться к нему, чтобы обмозговать случившееся. Агату и Ратика подхватили ребята, а я аккуратно переносил волка, постоянно подпитывая его тьмой.

Добравшись до нужного места, мы поместили оборотня в одну из камер и устроили допрос тем наемникам, кого удалось захватить. Поздно ночью, после нескольких часов обсуждения сложившейся ситуации, Змееуст выслал два маг-письма: первое предназначалось отцу Ридъяра, а второе деду Агаты. наших сил больше не было достаточно, чтобы защитить их детей.

ГЛАВА 5

в которой всё еще больше запутывается

Агата

...Я лежала на тонком вязаном одеяле среди свежескошенной травы и, прищурившись на солнце, поглаживала Кролика. Кошка в ответ на мои ласки довольно жмурила глаза и громко мурлыкала. Недалеко от меня во дворе нашего домика расположилась Хеска, она варила очередное зелье и тихо нараспев что-то приговаривала.

Вересень окончательно вступил в свои права. Лёгкий, немного прохладный ветерок проносился по влажным после дождя полям и лесам. Природа щедро делилась своим теплом, а в душе у меня царил мир и покой, вот оно, счастье.

– Можно мне присоединиться к тебе?

Неохотно повернув голову, я тут же широко улыбнулась:

– Конечно, мам, ты же знаешь...

Она кивает и присаживается рядом со мной. От меня не укрывается ее пристальный, словно изучающий взгляд, я отвечаю тем же. Мы с ней действительно очень похожи, только волосы у Марии намного светлее моих, и взгляд синих глаз колючий, цепкий... Какое-то неприятное чувство змейкой скользнуло в грудь, но я его подавила. Хотелось просто побыть с ней рядом.

– Мама... Как давно ты не приходила в мои сны, а я получила твое письмо.

– Я знаю, Агата, – она скупно улыбнулась и тут же стала намного красивее себя прежней, – пришлось писать его очень быстро, а сказать нужно было многое...

– Но ты могла просто прийти, так же, как и сейчас, я ведь звала тебя, искала... Мы можем поговорить сейчас.

– Нет. У меня больше не осталось времени на разговоры, кое-что очень важное происходит в мире, и нам обеим придется в этом поучаствовать. Пути назад нет, поэтому соберись и будь сильной, девочка.

Мама поднялась, давая понять: сказала всё, что хотела. В моей душе снова стала разрастаться обида и непонимание.

– Ну и уходи! – отворачиваясь от нее, я чувствовала, как предательские слёзы копятся в уголках глаз. – Ты только и можешь, что бросать. А мне хорошо здесь! Хеска разрешит вернуться домой, и плевать я хотела на всё остальное.

– Ты должна уходить, Агата. Не мы решаем, куда и когда нам идти, наши пути были прописаны заранее, задолго до твоего и моего рождения. И еще, хочу, чтобы ты знала, я пыталась это изменить, но иного не дано. – В траву передо мной падает что-то блестящее и я, еще не сообразив, что делаю, протягиваю руку и поднимаю находку. В ладони лежит маленький желтый камешек в черном обрамлении с ушком для веревки на конце. Кулон памяти. Не в силах оторвать от него взгляда, я спросила:

– Зачем он мне?

– Не тебе, ты только временный носитель. У этого артефакта есть хозяин, и они оба стремительно двигаются навстречу друг другу. Только слишком многие заинтересованы в том, чтобы кулон памяти никогда не открыл своей тайны.

– Но причем здесь я?

– Такова наша судьба, Агата, камень выбрал для достижения своей единственной цели меня, а затем нашел мою дочь. Может быть потому, что именно нам он совершенно не интересен? Кто знает... Передай Хаиму, я жду его в горах Дагхмрода, и времени у меня осталось слишком мало. Искать нужно мастера Хельма, только пусть обязательно поспешит...

Позади меня послышались тихие удаляющиеся шаги. Не раздумывая, я встала и побежала следом за мамой.

– Тебе нельзя со мной, – проговаривая это, Мария даже не оглянулась, а шаги ее стали ускоряться. – Возвращайся назад и срочно разберись со своим оборотнем, а

затем уезжай к отцу, он слишком давно ждет нас. Скорее всего, пришлют Дароса, не бойся его.

– Кто такой Дарос? И причем здесь оборотни?! – я бежала вслед за мамой, очень стараясь не отставать, но ноги едва передвигались: каждый шаг давался с огромным трудом. Последние мои слова эхом разнеслись повсюду. В душе стал зарождаться страх.

Попытавшись двинуться назад, я вдруг почувствовала, как мои ноги вязнут в земле с какими-то невнятными чавкающими звуками, будто это и не поле уже, а болото. В какой-то момент я четко поняла, что мамы давно здесь нет, и я осталась одна. По щекам тоненькой струйкой побежали слезы отчаяния. Остановившись, я прислушалась к звукам леса, надеясь, что они подскажут, куда мне идти дальше. И дождалась...

Сбоку от меня раздались тихие шорохи, словно кто-то не торопясь ступает на сухую листву и неумолимо приближается. Резко обернувшись, я застыла от ужаса. Это был волк. Огромный черный зверь с открытой пастью, из которой торчали острые окровавленные клыки. Невольно в голове проскользнула мысль, что кровь – это хорошо: возможно, он уже сытый и на меня не польстится.

Волчара, увидев меня, остановился и, слегка склонив голову на бок, разглядывал меня прищуренными ярко-желтыми глазами. И так знакомо это выглядело, так привычно...

– Риид?! – нараспев, с ноткой истерики, произнесла я, сама испугавшись звука своего голоса. Иногда мой мозг еще обдумывает, что нужно сказать или сделать, а язык уже срабатывает... И не всегда это на пользу делу.

Волк дернулся, весь подобрался и сильно напряг здоровенное тело. Кажется, он на меня прыгать собрался! В этот момент я понимала, вот-вот случится непоправимое, однако страха совершенно не ощущала. Вспомнив последние уроки бабули (она объясняла, как можно погрузить сознание в прошлое, чтобы вспомнить что-то важное, но позабытое), я ухмыльнулась. Сейчас один большой волк как никогда нуждался в напоминании о событии, сыгравшем огромную роль и в его, и в моей жизни.

Аккуратно присев на землю рядом со зверем, пылливо заглянула в его родные глаза. Он всё еще был напряжен, но скалиться перестал. Усилием воли я заставила себя сосредоточиться, а не пялиться на измазанную кровью морду. В голове уже формировалась картинка того, что мне хотелось показать...

В следующий миг лес вокруг нас словно поплыл, тело волка стало терять свои очертания, и вот мы уже во дворе моего дома в Огриве...

Маленькая девочка с развевающимися на ветру каштановыми волосами в синем, явно большом на нее платье, сидит на корточках и усердно рыхлит землю железной лопаткой. Сзади к ней подкрадывается паренек лет пятнадцати и хватает аккуратно сложенный кусок ткани, лежащий у ее ног:

– Хм, что это у нас здесь? Золото? Серебро? Или другие семейные реликвии? – полуоборотень довольно улыбается, и его желтые глаза искрятся на солнце. – Пожалуй, я заберу это себе, чтобы ты больше не волновалась за свои сокровища!

– Отдай немедленно, – девочка на удивление быстро подпрыгивает в его сторону и

замахивается на обидчика. Ой. Похоже, она и сама забыла, что в руках у нее по-прежнему находится железная лопатка.

По виску желтоглазого медленно, но необратимо, стекает струйка крови, он ошалело моргает.

Девочка охает и бросается к нему, задирая подол своего платья, дабы вытереть его лицо:

– Прости меня, пожалуйста. Я ведь совсем не хотела тебя ранить!

– Это и не рана вовсе, а так мелкая царапина! – парнишка медленно отступает от решительно настроенной помочь девчонки, поскользывается на мокрой земле и, взмахивая всеми конечностями, тяжело падает на пятую точку.

– Ну что же ты делаешь? Так совсем калекой станешь! Такой красивый и такой неловкий, сейчас я всё сделаю сама, замри! – в поле зрения снова мелькает синий подол. Раздается громкий плевок, и к лицу полуобортона тянется уже мокрая ткань.

– Отойди от меня! – парнишка кричит, срываясь на визг, и начинает отступление, прокладывая себе путь спиной вперед. Его правая рука попадает в крапиву, и он с шипением подсакивает на ноги. Девочка плотно сжимает губки и качает головой, но наступление прекращает.

– Меня Агатой зовут. А это, – она поднимает с земли уже позабытый им кусок ткани и разворачивает его, – это зернышко какого-то растения. Я пока не знаю, какого именно, мне дала его бабуля, чтобы я не забывала о доме. Вот посажу его здесь, и узнаем, что именно вырастет.

Девочка смотрит на парнишку и, счастливо улыбаясь, показывает ему небольшое красное зернышко на открытой ладонке. Он быстро встает и неловко отряхивает свою одежду:

– Понятно всё. Мне уже пора. У меня там это... брат один дома остался.

– А имя?

– Какое имя?

– Твое имя. Ты его не назвал, мы же теперь всё время видеться будем, соседи всё-таки.

Парень с сожалением оглядывается на свой забор, стирает всё еще струящуюся по виску и щеке кровь и грустно вздыхает:

– Ридъяр.

– Рид, значит. Очень приятно, а ты можешь меня Гатькой называть, так меня все родные называют. Заходи к нам попозже с братишкой, я вас угощу пирогами. Или, если хочешь, сама к вам загляну? Эй, куда ты?

Парень уже перепрыгивал через забор и опрометью мчался домой предупредить мать и брата о новых соседях, на ходу поправляя волосы так, чтобы не видно было пореза на виске.

Девочка еще немного постояла, глядя в след новому знакомому, и принялась за посадку неизвестного растения. Она счастливо улыбалась, вспоминая забравшегося к ним в сад юношу. Похоже, что с будущим мужем всё решилось само собой...

...Проснулась я выпавшейся и довольной. Видимо, снилось что-то хорошее. Прикрыв глаза, стала вспоминать, что же видела, и улыбка медленно сползла с моего лица.

– Рид! – хриплый полукрик-полустон сорвался с моих губ и эхом разнесся по маленькой светлой комнатке. Рванув вперед, я не сразу поняла, что не так, а потом мой лоб встретился с твердым полом.

...На звук падающего тела сбежалась куча народу. Я барахталась связанная на полу и ругалась похлеще нашего Потапа. Наконец, один из прибывших (красавчик дроу, между прочим) догадался поднять меня и аккуратно водрузил назад, на кровать. Нехорошая тишина с их стороны затягивалась, и я решила поторопить события:

– Зачем вы меня связали? – разглядывая знакомые лица, я старательно растирала связанными руками ушибленную голову. Ратик отвел взгляд в сторону, и заново разглядывал и без того знакомую комнату. Хаим, напротив, смотрел прямо мне в лицо, да с таким выражением, будто у меня там третий глаз вот-вот открыться должен. – Ау, народ! Развяжите меня, пожалуйста, руки-то не казённые, больно!

– Понимаешь, какое дело, – сатир сделал маленький шагок в моем направлении и снова замер. – Ты вчера упала немного, а потом... Эм... А что ты вообще помнишь?

– Я помню, что ты меня оберегать обещался! И в обиду никому не давать! – для пущей верности начала всхлипывать и прибавила в голосе жалостливые нотки. – Стоило один разочек в обморок упасть, так всё, со счетов списали, верёвками всю обвязали, а дальше-то что? Камень на шею и в ближайшую речку? Так, да?!

– Ну что ты мелешь?! – Хаим, скривив недовольную физиономию, приблизился ко мне вплотную. – Это ведь всё ради твоего же блага. Ладно бы простой обморок – для девиц твоего возраста это простительно, даже нормально, но ты же им не ограничилась! Скажи ей, Параур?

Из толпы прибывших вышел тот самый красавчик, который меня с пола поднимал и, пока он рот не открыл, я его лучшим в этой компании считала.

– Дело в том, что вы впали в состояние, близкое, я бы сказал граничащее со смертью, шесми. Оно характеризуется резким ослаблением реакции на внешние раздражения, полным отсутствием рефлексов с нарушением глубины и частоты дыхания, а также нарушением температурной регуляции.

Хм, никогда я себя дурой не считала, и уж тем более другим таковой казаться не собиралась. Сделав серьезное лицо, закивала и вынесла свой вердикт:

– Ну, всё хорошо, что хорошо кончается. Частота дыхания теперь в норме, рефлексы тоже на месте... Только не нужно обращаться ко мне, как к драконше, я не из их числа. Зовите меня просто Агата, хорошо? Так зачем меня связали, если я и так того собиралась?

– Потому и связали, думали, ты – того... Помнишь, как Митрофана-покойника связывали? Потому как обычай такой, чтобы он, в неестественной позе окоченев,

народ не пугал. А его всё равно перекорёжило всего, еле в гроб пихнули!

В повисшей тишине на Ратика уставились восемь шокированных пар глаз. Первым отмер Параур и молча отвесил парню весьма звонкий подзатыльник. Следом очнулся Хаим:

– Вот что ты мелешь?! Говорил же, нужно рот ему заклеить, сил моих на этого оглоеда больше нет! – сатир принялся споро развязывать веревки на моих руках и ногах, объясняя: – Не слушай его, Гатька. Дело всё в том, что ты, так и не выходя из обморока своего странного, метаться жутко начала. А следом за тобой и Рид разбушевался. Выл в камере, на стены бросался. Мы тебя связали, вчетвером еле сдержать смогли, а потом так же внезапно стихли вы оба. Ты, вроде как, уснула спокойно, а мы все к Ридъяру кинулись, проверять...

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/skolzyashchaya-vo-snah-b158508>